

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2025. № 4(69). С. 55–65
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2025;4(69):55–65

Научная статья
УДК 323.3
doi: 10.47598/2078-9025-2025-4-69-55-65

ПАНТЮРКИЗМ КАК УГРОЗА ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наталья Николаевна Пачина^{1✉}, Дамир Рамильевич Закиев²

^{1,2}Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

¹pachina_2017@mail.ru✉

²damir348348@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу пантюркизма как потенциальной угрозе Российской Федерации. Рассматриваются внутренний и внешний аспекты данной угрозы, а также происхождение и развитие пантюркизма. Авторы рассматривают исторические корни пантюркизма, его эволюцию от культурно-просветительского движения до инструмента геополитического влияния, а также сравнивают его с панисламизмом. Особое внимание уделяется современным вызовам: проникновению пантюркистских идей в Крым, а также роли Турции в продвижении тюркской идентичности в постсоветском пространстве. Подчеркивается двойственность позиции Баку, балансирующего между Россией и Турцией. Предлагаются конкретные направления внутренней и внешней политики Российской Федерации для противодействия данной идеологии.

Ключевые слова: пантюркизм, Турция, Организация Тюркских Государств. Центральная Азия, «байрактародипломатия»

Для цитирования: Пачина Н. Н., Закиев Д. Р. Пантюркизм как угроза внутренней и внешней безопасности Российской Федерации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2025. № 4 (69). С. 55–65. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-4-69-55-65>.

Research article

PAN-TURKISM AS A THREAT TO THE INTERNAL AND EXTERNAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Natalia N. Pachina^{1✉}, Damir R. Zakiev²

^{1,2}Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

¹pachina_2017@mail.ru✉

²damir348348@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of pan-Turkism as a potential threat to the Russian Federation. The internal and external aspects of this threat, as well as the origin and development of pan-Turkism are considered. The authors consider the historical roots of Panturkism, its evolution from the cultural and educational movement to the instrument of geopolitical influence, and also compare it with pan-lamism. Particular attention is paid to modern challenges: the penetration of Panturkist ideas into Crimea, as well as the role of Turkey in the promotion of the Turkic identity in the post-Soviet space. The duality of the position of Baku, balancing between Russia and Turkey, is emphasized. Specific directions of domestic and foreign policy of the Russian Federation are offered to counteract this ideology.

Keywords: pan-Turkism, Türkiye, Organization of Turkic States. Central Asia, "bayraktar diplomacy"

For citation: Pachina N. N., Zakiev D. R. Pan-Turkism as a threat to the internal and external security of the Russian Federation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`nyx texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2025;(4(69)):55–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-4-69-55-65>.

Современные геополитические вызовы, обусловленные глобализационными процессами и трансформацией международных отношений, требуют особого внимания к идеологическим течениям, способным дестабилизировать безопасность государств. Одним из таких явлений, представляющих комплексную угрозу как внутренней стабильности, так и внешнеполитическим интересам Российской Федерации, выступает пантюркизм — идеология, актуализирующая культурно-историческое и политическое единство тюркоязычных народов. Возникший в конце XIX — начале XX вв. как инструмент консолидации против колониализма, пантюркизм эволюционировал в многомерный фактор влияния, активно эксплуатируемый рядом государств и наднациональных структур для продвижения своих интересов в регионах Евразии.

Для России, в границах которой проживает значительная часть тюркских народов, данная идеология несет риски усиления сепаратистских настроений и вмешательства внешних акторов во внутренние дела. Особую остроту проблеме придает активизация Турции, Азербайджана и международных организаций, таких как Организация Тюркских Государств, в проектировании «турецкого мира» с претензией на переформатирование этнополитического ландшафта постсоветского пространства.

Падение в конце прошлого года Сирийской Арабской Республики под натиском протурецких сил показывает, что Анкара готова к применению силы для продвижения своего видения регионального порядка. Нет никаких оснований полагать, что Турция не применит похожую тактику уже на постсоветском пространстве и не «оседляет» возможные гражданские волнения, наподобие тех, что были в Казахстане в начале 2022 г., для осуществления «турецкой революции».

Несмотря на растущий интерес к теме в научной среде, комплексный анализ пантюркизма остается недостаточно разработанным. Целью данной статьи является оценка влияния пантюркистских концепций на внутриполитическую стабильность Российской Федерации, а также их роли в контексте внешних вызовов, включая изменение баланса сил в Центральной Азии и на Кавказе.

Поставленная цель определила выполнение следующих задач:

1. Рассмотреть происхождение и развитие пантюркизма как политической идеологии;
2. Провести сравнительный анализ пантюркизма и панисламизма;
3. Проанализировать потенциальную угрозу распространения пантюркистских идей в Крыму;
4. Дать оценку влиянию внешней политики Турции в Азербайджане и постсоветских республиках Центральной Азии.

В исследовании используется качественный подход, применяются методы системного анализа, контент-анализа, фактуального доказательства.

Эмпирическая база исследования представлена материалами средств массовой информации, историческими научными источниками и политической литературой.

Большая работа по исследованию этнополитики и политической регионалистики постсоветского пространства была проделана А. Р. Сулеймановым. Немалое внимание в работах исследователя было уделено поиску национальных идей народами постсоветского пространства [1–2].

При анализе истоков пантюркизма как идеологической доктрины и общественно-политического течения важно подчеркнуть, что его формирование в последние десятилетия XIX столетия во многом связано с деятельностью тюркоязычных народов Российской империи. Данная закономерность объясняется социально-историческим парадоксом: именно у этнических групп, утративших государственный суверенитет, наиболее интенсивно формируется тяга к национальной идентичности. Особенно ярко этот процесс проявляется в развитии националистических идей, которые неизбежно возникают как реакция на отсутствие политической субъектности.

На раннем этапе развития идеология пантюркизма демонстрировала значительное сходство с этнокультурными инициативами иных народов в рамках Российской империи. Как и большинство национальных движений того периода, ее базовой задачей стало сохранение традиционного уклада, духовных ценностей и языковой идентичности перед лицом

имперской ассимиляционной политики, опиравшейся на православную доктрину и русскоцентрическую модель просвещения.

Однако ключевым условием трансформации этих процессов в осознанный политический проект стало проведение масштабной просветительской работы. Через создание современной литературы на тюркских языках — от публицистики до литературных произведений — происходило постепенное формирование коллективного самосознания. Важную роль в этом сыграла идеализация Османской империи, воспринимавшейся не только как культурный ориентир, но и как альтернативный центр силы, исторически противостоящий российскому государству.

Основоположниками просветительской инициативы среди тюркоязычных народов Российской империи выступили Исмаил Гаспринский и его супруга Зухра Акчурина. На страницах издаваемого ими периодического альманаха «Терджиман» («Переводчик») популяризовались исторические нарративы о воинской «доброте» предков тюркских народов. Публикуемые материалы ставили задачей формирование у татарского населения историко-культурной самоидентификации. В кавказском регионе центром распространения пантюркистских идей стал Баку.

В XXI веке пантюркизм трансформировался в гибридную идеологию, сочетающую культурно-исторический ревизионизм, этнополитический активизм и геостратегические амбиции внешних игроков. Его современные адепты активно используют цифровые платформы, образовательные проекты и неправительственные организации для продвижения идей тюркского единства. Особую опасность для России представляет синтез пантюркизма с радикальными исламистскими течениями, что создает «двойную угрозу» — этносепаратизм подкрепляется религиозным экстремизмом.

Не исключается также возможность, что за процессами распространения пантюркизма стоит Великобритания. Глава британской разведки МИ-6 Ричард Мур, чья дипломатическая карьера ранее была связана с Анкарой, занимая пост посла Соединенного Королевства в Турции, сыграл важную роль в укреплении позиций Реджепа Тайипа Эрдогана в крити-

ческий момент в 2016 году, когда турецкими военными была осуществлена попытка государственного переворота. Приоритеты британской разведки сохраняют историческую преемственность в центральноазиатском направлении. Спецслужбы королевства продолжают реализовывать программы по противодействию российскому влиянию в регионе, используя наработанные за десятилетия ресурсы. Информационно-аналитическая работа в этой зоне опирается на тактику, созданную еще в период противостояния с Советской Россией, когда Лондон оказывал поддержку антибольшевистским формированиям.

При анализе пантюркизма важным представляется выделение данной идеологии от схожих. На первый взгляд, крайне похожей идеологией является панисламизм. В то же время, пантюркизм делает ставку на этническое и культурное единство тюркских народов, в то время как панисламизм опирается на религиозное и духовное объединение мусульманского мира. Таблица 1 позволяет детально сравнить ключевые, на наш взгляд, характеристики пантюркизма и панисламизма.

Как можно заметить, наиболее явным отличием пантюркизма является его светская направленность, не связанная напрямую с исламом. В то же время подавляющее число тюрок являются мусульманами, что не исключает «совмещение» данных идеологий. Поэтому мнимая «светскость» пантюркизма возможна лишь «на бумаге». На деле Турция активно прибегает к использованию исламистов для своих внешнеполитических решений. Примером можно считать уже упомянутое падение Сирийской Арабской Республики под ударами протурецких сил.

Турция позиционирует себя как лидер тюркского мира. Проекты вроде Организации Тюркских Государств и масштабные инвестиции в культурные центры (например, фонд «Тюркской») направлены на укрепление «мягкой силы» Анкары, в том числе на постсоветском пространстве. Важно отметить, что западные страны, традиционно рассматривающие пантюркизм как инструмент сдерживания России, финансируют НПО и медиаресурсы, популяризирующие дискурс об «угнетении тюркских народов» в Российской Федерации. Ярким

Таблица 1 — Сравнительные характеристики пантюркизма и панисламизма

Характеристика	Пантюркизм	Панисламизм
Основной акцент	Национальное, культурное и языковое единство; этническая идентичность тюркских народов	Религиозное и духовное единство; солидарность мусульман вне зависимости от национальной или этнической принадлежности
Географический охват	Преимущественно регионы, населенные тюрками: Турция, Азербайджан, части России, Кавказ и Центральная Азия	Страны с мусульманским большинством по всему миру — от Северной Африки до Южной Азии, включая Ближний Восток и некоторые регионы Центральной Азии
Политическая практика	Проявляется в националистической риторике, поддержке межгосударственного сотрудничества на культурной и экономической основе; влияние на политику Турции и Азербайджана	Находит отражение в различных исламских политических движениях и в ряде государств, где религиозная идентичность играет ключевую роль

примером является деятельность экстремистской организации «Меджлис крымскотатарского народа» (запрещенная в России экстремистская организация). В то же время, как отмечает А. В. Сериков, крымско-татарских активистов в западных СМИ представляют как «мучеников» [3].

Крымско-татарский вопрос занимает особое место в контексте пантюркистских угроз для России, поскольку сочетает в себе историческую память о государственности, депортации и активное влияние внешних акторов [4]. По итогам Всероссийской переписи населения 2020 года численность крымских татар на территории Республики Крым составила более 250 тыс. из почти двухмиллионного населения полуострова [5].

На протяжении почти всего XX века Турция играла второстепенные роли как в НАТО, так и в международных отношениях в целом. Такое положение объяснялось прежде всего тем, что почти весь Черноморский бассейн контролировался странами Организации Варшавского договора. После распада СССР и Восточного блока для Турции открылись уникальные возможности для реваншистских планов. Уже в 1992 году турецкий премьер-министр Сулейман Демирель произнес слова, которые определили внешнюю политику страны на последующие десятилетия: «Турция расширят-

ся, несмотря на то что границы останутся неизменными. Она расширит свое влияние от Адриатики до Великой Китайской стены» [6]. На Украине основным вектором такой политики стала поддержка крымско-татарского национального движения. В 1991 году общественное объединение «Меджлис крымско-татарского народа»* поставил своей целью провозглашение в перспективе государственного суверенитета.

При попустительстве украинских властей на полуострове сложилась благоприятная обстановка для турецкой пропаганды. Антироссийские позиции Меджлиса крымско-татарского народа проявились уже тогда. Когда президентом Республики Крым Ю. А. Мешковым в августе 1992 г. был поставлен вопрос о независимости полуострова, Меджлис выступил за «территориальную целостность Украины» [7]. В. Ф. Карпец отмечает, что у Турции на тот момент уже был подобный опыт с отделением территории, на примере Северного Кипра, где заинтересованный в этом этнос составлял национальное меньшинство, однако в то же время замечает, что наличие большой группировки вооруженных сил России не позволило бы развиться такому сценарию [8].

Для минимизации угроз, связанных с пантюркизмом и сепаратизмом в Крыму, Российская Федерация должна реализовать ком-

* Запрещенная в России экстремистская организация.

плексный подход, сочетающий культурные, политические и правовые меры.

В конце 2024 года в Симферополе состоялся съезд депутатов из числа крымских татар, на котором была высказана позиция о том, что будущее народа связано с Россией [9]. Положительным аспектом здесь будет расширенное использование крымско-татарского языка в образовательных программах и СМИ. Это позволит сохранить культурное наследие и снизить восприятие «ассимиляционной политики», которой спекулируют западные СМИ. Как отмечал в 2014 году муфтий Альбир Крганов, в России уже есть опыт нейтрализации сепаратистских движений через интеграцию. Он предлагал использовать опыт Татарстана: «Мы 15–20 лет назад через это прошли, когда были призывы к сепаратизму в Татарстане и других республиках. Тогда народ заключил, что Россия — наша родина» [10]. А. Р. Сулейманов также отмечает роль казанских татар в их диалоге с крымскими татарами при принятии решения о присоединении к Российской Федерации [1]. Для снижения влияния Анкары возможно развитие партнерства по данному направлению с Узбекистаном и Казахстаном, где проживают крупные диаспоры крымских татар. Необходимо безусловное осуждение депортации крымских татар в информационном пространстве как исторической ошибки советского руководства.

Если с внутренними рисками распространения пантюркизма Российская Федерация может работать напрямую, то внешние угрозы представляют собой более сложную проблему. Как и более века назад, в Кавказском регионе центром турецкого влияния остается Баку. Сотрудничество охватывает широкий спектр областей, включая политическую, экономическую и военную сферы, что создало благоприятные условия для продвижения пантюркистских идей в регионе.

Кульминацией этого сотрудничества стало обострение конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 году, когда Азербайджан при поддержке Турции смог изменить баланс сил в свою пользу. Впоследствии, 15 июня 2021 г., в городе Шуша была подписана Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджаном и Турцией. Этот документ закрепил не только военно-техническое сотрудничество,

но и подчеркнул культурно-идеологическую близость между двумя странами, активизировав совместные проекты в рамках Организации тюркских государств [11].

Важно отметить двойственность позиции Азербайджана: сохранив членство в пророссийских структурах, таких как СНГ, Баку маневрирует между Москвой и Анкарой, избегая прямой конфронтации. Тем не менее, долгосрочные тенденции — демографический рост, усиление националистической риторики и милитаризация — делают Азербайджан не столько самостоятельным игроком, сколько «переаточным звеном» Турции в стратегически уязвимом для России регионе.

Негативным аспектом непосредственно для России стало то, что Армения, будучи членом ОДКБ, рассчитывала на помощь со стороны этой организации. Роль России как ведущего игрока в ОДКБ оказалась ограниченной: с одной стороны, Москва стремилась поддерживать баланс интересов в регионе, а с другой — не желала напрямую конфликтовать с Турцией и Азербайджаном. Такой компромиссный подход привел к тому, что даже при наличии формальных гарантий безопасности, Армения оказалась практически оставлена наедине со своими военными проблемами. Это стало по итогу поводом для изменения в дальнейшем вектора внешней политики Армении в сторону Запада. С. Э. Шакарянц отмечает, что Армению «бросили», недооценивая угрозу пантюркизма. По его мнению, пантюркизм создает угрозу и Китаю, через вовлечение уйголов в конфликты на Ближнем Востоке на стороне протурецких исламистов и с последующей «обратной заброской» [12].

Кейс конфликта в Нагорном Карабахе показал уязвимость Российской Федерации в том, что урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве имеет geopolитические черты. Любое решение в этом направлении может иметь различные последствия и, что более важно, это могут использовать и используют западные политтехнологи. По итогам карабахского конфликта Россия имеет лишь смутные перспективы сотрудничества с полностью ориентированным на Турцию Азербайджаном, препятствующим развитию российского культурного влияния [13].

Центральная Азия традиционно занимает особое место в geopolитическом пространстве. После распада СССР на политической арене данного региона возникло целых пять новых государств: Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Подавляющая численность населения каждого из этих государств, кроме Таджикистана, представлена тюркскими народами.

При этом на начальном этапе, после распада Советского Союза, Турция не достигла каких-то прорывных соглашений с новыми государствами, что явно не соответствовало амбициозным планам турецких властей по расширению влияния «от Адриатики до Великой Китайской стены». Причин этому было несколько.

Во-первых, в начале 1990-х гг. Турция, несмотря на свою относительную экономическую мощь, сталкивалась с нехваткой ресурсов для активного влияния на международной арене. Молодые независимые государства, остро нуждавшиеся в инвестициях и модернизации ключевой инфраструктуры, не рассматривали Анкару в роли ведущего экономического партнера. Ограниченные финансовые возможности, наряду с отсутствием отлаженного механизма реализации крупных трансграничных проектов, не позволили Турции занять лидирующую позицию в вопросах стабилизации экономик постсоветских республик.

Во-вторых, несмотря на серьезные внутренние трудности, Российская Федерация продолжала играть ключевую роль для тюркских стран, сохраняя стратегическое влияние. Советское наследие в экономических связях, а также сложившиеся интеграционные механизмы в сферах энергетики и обороны обеспечивали Москве прочные позиции. Попытки Турции усилить свое присутствие сталкивались с объективными ограничениями — отсутствием сопоставимого объема торговых операций, развитой транспортной инфраструктуры и долгосрочных отношений доверия, выстроенных в советский период.

В-третьих, по мнению аналитиков, включая турецких экспертов, изначально подход Анкары носил односторонний характер. Турция стремилась утвердить себя в качестве доминирующего центра «турецкого мира», апеллируя

к культурной и исторической общности, однако при этом ожидала политической лояльности от новых республик. Однако для их лидеров, только что обретших независимость после десятилетий централизованного советского управления, сохранение суверенитета имело первостепенное значение. Перспектива замены одного внешнего влияния на другое вызывала настороженность, что привело к весьма сдержанной реакции на инициативы Анкары, особенно в вопросах, касающихся государственного суверенитета [14].

После прихода к власти в 2002 году Партия справедливости и развития (ПСР) первоначально продолжила курс на евроинтеграцию. Турция проводила масштабные реформы, стремясь соответствовать требованиям ЕС. В 2005 году начались официальные переговоры о вступлении Турции в ЕС.

Однако к концу 2000-х гг. евроинтеграционный курс начал заходить в тупик. ЕС выдвигал новые требования, включая решение кипрского вопроса и демократические реформы, что замедлило переговоры. Одновременно внутри Турции нарастали исламские и националистические настроения, а ПСР укрепила свои позиции, дистанцируясь от прозападного курса [15].

После того как евроинтеграционные процессы Турции окончательно застопорились, а внешняя политика Анкары приобрела еще и неоосманские черты, Турция вновь обратила свой взгляд на постсоветские республики Центральной Азии. Этот регион представлял для Анкары стратегический интерес сразу по нескольким направлениям: геополитическому, экономическому и культурно-историческому. В 2009 году Турция инициировала создание Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркского совета), который объединил Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и позже Узбекистан. В 2021 году организация была преобразована в Организацию тюркских государств (ОТГ) [16].

Влияние Турции не ограничивается исключительно культурным и экономическим взаимодействием. Турция активно применяет так называемую «байрактародипломатию» (по названию самой известной модели турецкого ударного БПЛА «Bayraktar TB2»). «Байрактародипло-

матия» стала важным инструментом внешней политики Турции, позволяя ей укреплять свое влияние и расширять присутствие на международной арене через экспорт БПЛА.

На экспорте дронов военное влияние Турции не заканчивается. В январе-феврале 2025 г. в турецкой провинции Карс прошли военные учения «Кыш-2025». Помимо турок и азербайджанцев, в них участвовали военнослужащие Боснии и Герцеговины, Грузии, Казахстана, Косово и Узбекистана [17].

Отдельно стоит остановиться на Узбекистане, который обычно воздерживается от участия в каких-либо военных объединениях. Так, республика дважды выходила из состава ОДКБ. После обретения независимости Узбекистан вел своеобразную внешнюю и внутреннюю политику. В международных отношениях И. А. Каримовым велась политика неприсоединения не только к военным блокам, но даже и к экономическим объединениям: Узбекистан не присоединился ни к ВТО, ни к ЕАЭС, а транснациональные корпорации практически не допускались к внутреннему рынку. С Турцией, как и с западными странами, у Узбекистана отношения обострились на фоне андижанских событий 2005 года. Турция выразила солидарность с западными странами, критикуя действия властей Узбекистана при подавлении протестов в Андижане. Это привело к резкому ухудшению узбекско-турецких отношений на несколько лет и отказу Ташкента от участия в турецких интеграционных инициативах [18].

Во внутренней политике Узбекистан в некотором роде продолжил использование советской модели с вычеркиванием из нее всех упоминаний социализма и всего, что было связано с Советским Союзом вообще, но с заменой на более удобные для властей республики образы. Так, уже в 1990-е годы в стране не осталось ни одного памятника В. И. Ленину и какой-либо советской символики в архитектуре. На смену им пришел культ различных политических, военных и научных деятелей региона прошлого: от Томириса и Спитамена до Амира Тимура (Тамерлана) и Захир-ад-дина Мухаммада Бабура. Несмотря на то, что И. А. Каримов находился у власти до самой смерти, в республике не существовало какого-то культа личности первого президента. В отличие от соседних

государств, у И. А. Каримова даже не было особыго официального титула (Елбасы у Нурсултана Назарбаева, Туркменбashi у Сапармурада Ниязова). Объяснить это можно указанным ранее тезисом — в Узбекистане была выбрана модель идеологического продвижения позднего СССР с использованием, скорее, абстрактных образов прошлого и движения к будущему, в отличие, например, от Туркменистана, в котором прослеживаются явные черты вождизма и сталинского режима.

Ситуация изменилась со смертью первого президента в 2016 году. Новый глава государства Ш. М. Мирзиев взял курс на открытость и смягчение государственной пропаганды. Несмотря на безусловно положительные черты такой политики, открылся и путь для зарубежного влияния, в том числе Турции. Так почти в четыре раза по сравнению с 1998 годом выросло количество студентов из Узбекистана, обучающихся в Турции [19]. В 2020 году в Узбекистане в Ташкенте был учрежден первый турецкий филиал Турецкого университета экономики и технологии. Влияние Турции и ислама сегодня прослеживается даже без специализированных исследований. На улицах когда-то максимально европеизированного советского Ташкента стали появляться молодые девушки в хиджабах. Такая тенденция наблюдается даже в образовательных учреждениях.

Для Российской Федерации в Центральной Азии все еще имеются большие перспективы сотрудничества и сохранения своего влияния. Как было сказано ранее, в 1990-х годах России удавалось сохранить свое значительное влияние благодаря советскому наследию в области экономических связей и энергетических потребностей. Реализация проекта Джизакской атомной электростанции,озводимой при участии российской госкорпорации «Росатом», имеет большое значение для Узбекистана.

Открытие филиалов российских университетов за рубежом — важный инструмент укрепления международного влияния России, сочетающий образовательные, культурные и geopolитические задачи. Эта практика особенно актуальна в контексте Центральной Азии. В одном только Узбекистане на сегодняшний день действуют 14 филиалов российских вузов,

а еще 7 планируется открыть [20]. По этому показателю Российская Федерация ожидаемо занимает первое место в стране.

Дополнительно важным фактором сдерживания турецкого влияния будет являться национальное самосознание народов республик Центральной Азии. При всех кажущихся преимуществах у турецких объединений, главным образом у Организации Тюркских Государств, есть главный недостаток — они ориентированы целиком и полностью на Турцию и интеграция в них означает подчинение Анкаре. Такой расклад никогда не устроит население стран, относительно недавно получивших государственный суверенитет.

Более того, согласно опросу, население стран по-разному воспринимает Организацию Тюркских Государств (рисунок 1) [21].

Если в Азербайджане ожидаемо организацию считают военным блоком и даже «Тюркской ООН», то в Казахстане и Кыргызстане предпочтение отдается экономической и религиозной направленности, соответственно. Разумеется, такая разница во мнениях не может не оцениваться положительно. В некотором роде, население разных стран воспринимает турецкие проекты исключительно в целях собственной выгоды.

В ходе работы были рассмотрены истоки и эволюция пантюркизма как политической идеологии, что позволило выявить ее трансформацию от культурно-исторического движения в инструмент геополитического влияния.

Сравнительный анализ пантюркизма и панисламизма показал, что, в отличие от религиозно мотивированного панисламизма, пантюркизм опирается на этнокультурную идентичность. В то же время не исключается совпадение некоторых идей.

Особое внимание было уделено угрозе распространения пантюркистских идей в Крыму. Крым может стать объектом идеологического влияния со стороны Турции. Однако малая численность крымских татар в общей структуре населения полуострова и последние тенденции настроений среди представителей данного народа позволяют полагать, что потенциальная угроза внутренней стабильности Российской Федерации находится на крайне низком уровне.

Анализ внешней политики Турции в Азербайджане и странах Центральной Азии выявил, что Анкара активно использует пантюркизм как инструмент мягкой силы для укрепления своего влияния в постсоветском пространстве. Азербайджан, выступая ключевым союзником Турции, становится платформой для продвижения тюркской идентичности, что создает риски для российской безопасности, особенно в контексте интеграционных проектов, таких как Организация Тюркских Государств.

Таким образом, пантюркизм представляет собой многогранную угрозу, сочетающую идеологическое, культурное и geopolитическое измерения. Для противодействия этим вызовам России необходимо разработать комплексный

Рисунок 1 — Восприятие Организации Тюркских Государств в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане (составлено авторами)
Figure 1 — Perception of the Organization of Turkic States in Azerbaijan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan (compiled by the authors)

подход, включающий укрепление евразийской интеграции, усиление культурно-исторической политики в тюркоязычных регионах и актив-

ное использование инструментов публичной дипломатии для нейтрализации пантюркистской пропаганды.

Список источников

1. Сулейманов А. Р. Региональная безопасность и национальная политика России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 158–160.
2. Сулейманов А. Р. Национальная политика и национальная безопасность в условиях российского федерализма: возможен ли второй "Парад суверенитетов"? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 3(26). С. 115–123.
3. Сериков А. В., Венцель С. В. Институты крымскотатарского народа в современном Крыму: этнополитическое и этноконфессиональное измерение с точки зрения радикализации // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2, № 2. С. 33–36.
4. Белащенко Д. А., Рыжов И. В. Крымско-татарский вопрос: генезис, история урегулирования и перспективы решения // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2012. № 4. С. 361–367.
5. Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.
6. Gurler R. T. Turkey's soft power towards Central Asian countries after the cold war // Istanbul Sabahattin Zaim University Social Sciences Journals. 2013. Vol. 1-2. P. 100–113.
7. Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение в контексте этнополитической ситуации в Крыму (август 1991 — март 1995 гг.) // Крымско-татарское движение. Т. 3. 1991–1993 гг. : сборник документов / под ред. М. Н. Губогло. Москва : Центр изучения межэтнических отношений Российской академии наук, 1996. С. 26–101.
8. Карпец Ф. В. Крымскотатарский фактор в турецко-украинских отношениях в 1991–2014 гг. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2024. № 3. С. 112–130.
9. Крымские татары призвали ООН признать российский статус Крыма // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22695559>. Дата публикации: 17.12.2024.
10. Националисты среди крымских татар призывают российских татар к сепаратизму // Независимая газета : сайт. URL: <https://www.ng.ru/news/458656.html>. Дата публикации: 24.02.2014.
11. Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев : официальный сайт. URL: <https://president.az/ru/articles/view/52122>. Дата публикации: 16.06.2021.
12. Шакарянц С. Э. Россия, Иран и Китай останавливали пантюркизм в Сирии, но по сути бросили Армению!? // Регион и мир. 2023. Т. 14, № 3. С. 9–16.
13. В Кремле прокомментировали закрытие Русского дома в Баку // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20250207/peskov-1997941249.html>. Дата публикации: 07.02.2025.
14. Turkey in Central Asia: Turkish Togetherness? // The Diplomat : сайт. URL: <https://thediplomat.com/2014/11/turkey-in-central-asia-turkic-togetherness>. Дата публикации: 28.11.2014.
15. Eminoglu D., Aslanturk A. 1990 sonrası turkiye'nin turk cumhuriyetlerine yönelik dış politikasının gelişimi // Trakya Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2018. Cilt 20, No. 2 S. 387–408.
16. Маркедонов С. М. Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 7. С. 245–256.
17. ОТГ превращается в турецкий военный блок: кто участвует в маневрах у границ Армении? // Проект «Рыбарь» : сайт. URL: <https://rybar.ru/otg-prevrashhaetsya-v-tureckij-voennyyj-blok-kto-uchastvuet-v-manevrah-u-granicz-armenii>. Дата публикации: 20.01.2025.
18. Turkic Council and Cooperation in Eurasia in the Light of Developments Across the Region // Center for Eurasian Studies. 2015. № 14. Р. 27–30.
19. Inbound internationally mobile students by country of origin // UNESCO Institute of Statistics : официальный сайт. URL: <http://data UIS.unesco.org/#>.
20. В Узбекистане откроют филиалы семи российских вузов // Sputnik Узбекистан : сайт. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20220330/rossiyskoe-obrazovanie-v-uzbekistane-filialy-kakix-vuzov-deystvuyut-v-strane-23659164.html>. Дата публикации: 30.03.2022.
21. «Лебедь, рак и щука»: Баку ведет кампанию Анкары по легитимизации идеи военного блока на базе ОТГ, но у казахстанцев и кыргызов преобладают иные взгляды // САЕАС «Фокус» : сайт. URL: <https://t.me/faeasfokus/2276>. Дата публикации: 18.02.2025.

References

1. Suleymanov A. R. Regional Security and National Policy of Russia. *Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye Zapiski SKAGS = State and Municipal Administration. Uchenye Zapiski SKAGS.* 2015;(3):158–160. (In Russ.).
2. Suleymanov A. R. National Policy and National Security in the Context of Russian Federalism: Is a Second "Parade of Sovereignties" Possible? *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnoshenii = Issues of National and Federal Relations.* 2014;(3):115–123. (In Russ.).
3. Serikov A. V., Ventsel S. V. Institutions of the Crimean Tatar people in modern Crimea: ethnopolitical and ethno-confessional dimension from the point of view of radicalization. *Caucasian Science Bridge.* 2019;2(2):33–36. (In Russ.).
4. Belashchenko D. A., Ryzhov I. V. The Crimean Tatar issue: genesis, history of settlement and prospects for resolution. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo = Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod.* 2012;(4):361–367. (In Russ.).
5. All-Russian Population Census 2020. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>.
6. Gurler R. T. Turkey's soft power towards Central Asian countries after the cold war. *Istanbul Sabahattin Zaim University Social Sciences Journals.* 2013;1-2:100–113.
7. Chervonnaya S. M. The Crimean Tatar national movement in the context of the ethnopolitical situation in Crimea (August 1991 — March 1995). *Krymsko-tatarskoe dvizhenie. T. 3. 1991–1993 gg.: sbornik dokumentov / pod red. M. N. Guboglo = The Crimean Tatar Movement. Vol. 3. 1991–1993: collection of documents / ed. by M. N. Guboglo.* Moscow: Center for the Study of Interethnic Relations of the Russian Academy of Sciences; 1996. P. 26–101. (In Russ.).
8. Karpets F. V. The Crimean Tatar factor in Turkish-Ukrainian relations in 1991–2014. *Vestnik MGPU. Seriya:Istoricheskie nauki = Bulletin of MSPU. Series: Historical Sciences.* 2024;(3):112–130.
9. Crimean Tatars called on the UN to recognize the Russian status of Crimea. TASS: site. (In Russ.). Available from: <https://tass.ru/obschestvo/22695559>. Publication date: December 17, 2024.
10. Nationalists among Crimean Tatars call on Russian Tatars to separatism. Independent Newspaper: site. (In Russ.). Available from: <https://www.ng.ru/news/458656.html>. Publication date: February 24, 2014.
11. Shusha Declaration on Allied Relations between the Republic of Azerbaijan and the Republic of Turkey. President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev: site. (In Russ.). Available from: <https://president.az/ru/articles/view/52122>. Publication date: June 16, 2021.
12. Shakaryants S. E. Russia, Iran, and China stopped Panturkism in Syria, but essentially abandoned Armenia? *Region i mir = Region and World.* 2023;14(3):9–16. (In Russ.).
13. The Kremlin commented on the closure of the Russian House in Baku. RIA Novosti: site. (In Russ.). Available from: <https://ria.ru/20250207/peskov-1997941249.html>. Publication date: February 7, 2025.
14. Turkey in Central Asia: Turkish Togetherness? The Diplomat: site. Available from: <https://thediplomat.com/2014/11/turkey-in-central-asia-turkic-togetherness>. Publication date: November 28, 2014.
15. Eminoglu D., Aslanturk A. 1990 sonrası turkiye'nin turk cumhuriyetlerine yönelik dış politikasının gelişimi. *Trakya Universitesi Sosyal Bilimler Dergisi.* 2018;(20):387–408. (In Turkish).
16. Markedonov S. M. The process of normalization of Armenian-Turkish relations: problems, challenges, prospects. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of RSUH. Series: Political Science. History. International Relations.* 2012;(7):245–256. (In Russ.).
17. OTG is turning into a Turkish military bloc: who is participating in the maneuvers near the borders of Armenia? Rybar Project: site. (In Russ.). Available from: <https://rybar.ru/otg-prevrashhaetsya-v-tureckij-voennyj-blok-kto-uchastvuet-v-manevrah-u-granicz-armenii>. Publication date: January 20, 2025.
18. Turkic Council and Cooperation in Eurasia in the Light of Developments Across the Region. Center for Eurasian Studies. 2015;(14):27–30.
19. Inbound internationally mobile students by country of origin. UNESCO Institute of Statistics: official site. Available from: <http://data UIS.unesco.org/#>.
20. Branches of seven Russian universities will open in Uzbekistan. Sputnik Uzbekistan: site. (In Russ.). Available from: <https://uz.sputniknews.ru/20220330/rossiyskoe-obrazovanie-v-uzbekistane-filialy-kakix-vuzov-deystvuyut-v-strane-23659164.html>. Publication date: March 30, 2022.
21. «Swan, crayfish, and pike»: Baku is leading Ankara's campaign to legitimize the idea of a military bloc based on OTG, but Kazakhs and Kyrgyz have different views. SAEAS "Focus": site. (In Russ.). Available from: <https://t.me/faeasfokus/2276>. Publication date: February 18, 2025.

Информация об авторах

Н. Н. Пачина — доктор психологических наук, профессор кафедры социологии;
Д. Р. Закиев — аспирант кафедры социологии.

Information about the authors

N. N. Pachina — doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Sociology;
D. R. Zakiev — a postgraduate student of the Department of Sociology.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 22.12.2025.